

Все вошедшие заранее задержали дыхание и окутали себя слоём истинной сущности либо защитились небольшими магическими артефактами. Обычно этого хватало, чтобы, оказавшись среди миазмов персиковых цветов, лишь на миг ощутить помутнение рассудка, а затем прийти в себя. Но стоило людям ступить в эту туманную пелену, как на них нахлынул приторно-сладкий аромат.

Они не вдыхали его носом. Он сам просачивался из горла, сочился сквозь кожу, растекался по сердцу, печени, селезёнке, лёгким и почкам.

Такая упоительная сладость пьянила сам разум.

На белом драконе один за другим начали падать заклинатели – первыми те, чья культивация была слабее. Они едва успевали дважды покачнуться, прежде чем с глухим стуком оседали на землю. Одни, сев, тут же заваливались набок и начинали громко храпеть. Другие оставались сидеть, застывшими глазами уставившись в одну точку, и время от времени глупо хихикали. Третьи пытались подняться, но никак не могли и потому принимались что-то бормотать себе под нос. Чего здесь только не творилось – словно целая толпа пьяниц буйствовала после попойки.

При одинаковом уровне культивации мечники держались дольше даосских практиков, но лишь ненамного.

По мере продвижения вглубь Дуань Шаобо, несмотря на все приготовления, тоже начал пьянеть от приторно-сладких миазмов. Он повалился назад, но тут же обрёл опору: Гу Цзыцзю обнял его за талию.

– Ещё держишься?

Белый дракон то появлялся, то исчезал; со всех сторон поднялось подобное облачному туману сияние и подхватило людей, не дав им упасть вниз.

Дуань Шаобо некоторое время лежал в объятиях Гу Цзыцзю, непрерывно моргая. Гу Цзыцзю не удержался и поднёс руку к его глазам. Ресницы Дуань Шаобо скользили по тыльной стороне ладони, словно крохотные кисточки, и от их прикосновений зуд пробежал от руки до самого

сердца.

– Всё... всё хорошо...

Дуань Шаобо помнил лишь, что на миг потерял ясность рассудка и ощутил редкостную, восхитительную сладость. А потом непонятно каким образом уже оказался в объятиях Гу Цзыцзю. Сознание его прояснилось, но конечности застыли и обессилели, словно тело из плоти внезапно сменилось каменным.

Гу Цзыцзю ещё некоторое время поддерживал его, и лишь затем Дуань Шаобо наконец смог двигаться сам, хотя руки и ноги всё ещё казались налитыми свинцом.

По первоначальному сюжету все вошедшие в тайное царство должны были попасть под воздействие миазмов персиковых цветов. Хотя из-за созревших персиков их сила многократно возросла, они одинаково поражали всё живое – и чужаков, и местных обитателей. Даже насекомые и змеи в тайном царстве Персикового Цветения мгновенно засыпали от одного прикосновения к ним, а потому никто из заклинателей не погиб во сне.

Но отсутствие угрозы жизни вовсе не означало отсутствия потерь. Ведь тайное царство оставалось открытым лишь восемь месяцев, а этот сон отнял целых два. Окажись здесь смертный, он, вероятно, так и не проснулся бы. Даже среди заклинателей находились практики начальной ступени Заложения основы с шатким фундаментом, ещё не способные полностью обходиться без пищи. Очнувшись после такого сна, они окажутся страшно истощены.

Впрочем, в отряде Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо столь слабых практиков не было, поэтому им не приходилось опасаться, что кто-то заснёт насмерть. Будить остальных они не стали и вместо этого достали по малому мешку цянькунь, предназначенному для сбора газов, после чего принялись собирать разлитые повсюду миазмы.

– Вернёмся – добавим их в духовный сахар для сахарного боярышника и проверим, вкусно ли получится.

Наполнив половину мешка, Гу Цзыцзю сунул внутрь палец и немного помешал. Когда он вытащил руку, на кончике пальца повис крохотный розовый клочок миазмов.

- О? Так это, случайно, не сахарная вата?

[...Нет. Это совершенно точно не сахарная вата.]

Увы, на слова Системы никто не обратил внимания.

Дуань Шаобо тоже придвинулся и с вожделением уставился на маленький пушистый комочек. Гу Цзыцзю протянул ему палец:

- Попробуешь?

- Хорошо.

С виду Дуань Шаобо казался рассудительным и солидным человеком, но порой было совершенно непонятно, то ли он чрезмерно доверяет Гу Цзыцзю, то ли попросту безрассудно храбр. Только что миазмы уже одурманили его, однако стоило Гу Цзыцзю предложить попробовать их, как он открыл рот и лизнул палец.

Влажный, тёплый язык скользнул по кончику пальца Гу Цзыцзю, отчего тот невольно прищурился. А Дуань Шаобо в тот самый миг, когда пушистый клочок попал ему в рот, рассеянно затуманил взгляд и головой вперёд повалился на Гу Цзыцзю.

Гу Цзыцзю осторожно уложил его на бок, головой себе на колени, и лишь затем встряхнул рукой. Когда ресницы Дуань Шаобо касались её, словно маленькие кисточки, ощущения уже были щекочущими и непривычными. Но после этого лизка по руке прошла настоящая сладостная дрожь. И не только по руке...

По идее, заклинатели великолепно владели собственным телом. Они не должны были так легко испытывать дрожь и слабость или внезапно возбуждаться. Значит, эта неспособность себя контролировать и называлась «не совладать с чувствами»?

Он посмотрел на Дуань Шаобо, лежавшего у него на коленях. Тот спал по-настоящему сладко: ресницы изредка подрагивали, губы были чуть приоткрыты. Видимо, во сне он принял бедро Гу Цзыцзю за подушку и потому обнял обеими руками его колено. Гу Цзыцзю коснулся красной родинки под уголком его глаза. Дуань Шаобо не рассердился – напротив, словно увидел чудесный сон: уголки его губ приподнялись в красивой улыбке.

В груди Гу Цзыцзю что-то беспокойно зашевелилось. Он ещё дважды погладил красную родинку под глазом Дуань Шаобо, а затем поспешно схватил мешок для сбора миазмов. Какая досада, что в своё время они купили всего один, да ещё и не самого большого размера!

Ведь они собирались главным образом ловить живых существ – тех самых змей, мышей, рыб и насекомых, о которых говорил Ли Биньчэн. Позднее они разузнали, что здесь также обитали чрезвычайно редкие птицы персикового цветения: одни – размером с воробья, другие – с журавля. Поймать их удавалось очень немногим, но, судя по вкусу прочей живности тайного царства, мясо этих птиц определённо должно было быть необыкновенным.

Мешок цянькунь для сбора миазмов они купили просто между делом, полагая, что он может пригодиться, а может и нет. Кто бы мог подумать, что он преподнесёт Гу Цзыцзю такой приятный сюрприз?

Когда Дуань Шаобо проснулся, они по-прежнему не стали будить остальных и остались на месте собирать миазмы персиковых цветов. Приведя с собой столь многочисленный отряд, они уже изменили ход событий, а потому не хотели вмешиваться ещё сильнее. Если из-за них главный герой лишится предназначенных ему выгод, неприятностей будет не избежать. Подвергать себя такому риску без всякой необходимости не стоило.

Два месяца спустя одурманенные заклинатели начали один за другим приходить в себя. Не считая немногих практиков Золотого Ядра, все достигшие Заложения основы первым делом принимались за еду.

Персиковый клей помогал всем заклинателям ниже стадии Зарождения души, однако практикам Очищения Ци есть его было нельзя – их могло попросту разорвать от переполнявшей тело энергии. На практиков Золотого Ядра он уже почти не действовал. Поэтому в тайное царство в основном входили заклинатели стадии Заложения основы, а практики Золотого Ядра лишь сопровождали и защищали их.

Проснувшись, большинство людей проглотили по пилюле отсечения злаков и принялись медитировать, восстанавливая дыхание и истинную сущность. Поначалу Чу Цзэюй тоже медитировал вместе со всеми, но открыл глаза прежде, чем остальные успели очнуться. Он достал из мешка для хранения хрустящую ароматную жареную курицу, от которой ещё шёл пар, отломил ножку и принялся водить ею под носом Сюэ И.

Соблазнённый запахом пищи, Сюэ И несколько раз нахмурился и наконец проснулся. Всё-таки

он находился лишь на стадии Заложения основы, и выдержки ему не доставало.

Однако, увидев, что тот очнулся, Чу Цзэюй убрал куриную ножку и принялся размахивать ею перед носом Лин Сюсю.

Как только Лин Сюсю проснулась, он прямо у всех на глазах сунул ножку себе в рот и откусил огромный кусок.

– Ну ты... Вот уж поистине вредишь другим без всякой пользы для себя!

У юной Лин Сюсю от аппетитного запаха рот наполнился слюной, и даже слова звучали невнятно. Ей было одновременно стыдно и досадно.

Сюэ И улыбнулся, достал завёрнутый в промасленную бумагу свёрток и развернул его. Внутри лежало несколько хрустящих лепёшек.

– Сюсю, не обращай на него внимания. Иди, поешь сладостей.

– Старший брат всё-таки лучше!

Лин Сюсю взяла одну лепёшку и радостно принялась есть.

Сюэ И подвинул угощение к Чу Цзэюй:

– Ты тоже будешь?

Только что с аппетитом жевавший курятину Чу Цзэюй тут же перестал двигать челюстями. На его лице появилось недовольство. Он посмотрел на протянутую Сюэ И лепёшку, холодно фыркнул, отвернулся к нему спиной и продолжил есть свою курицу.

– Хм! Старший брат, не обращай на него внимания! Он не хочет – я хочу!

Лин Сюсю одним махом забрала из рук Сюэ И все лепёшки и, хотя была юной девушкой, нарочно принялась громко чавкать.

Чу Цзэюй тоже разозлился, однако оборачиваться не стал и лишь начал ещё громче жевать курицу, словно соревнуясь с Лин Сюсю.

Сюэ И беспомощно вздохнул. Он уже собирался попросить обоих не вести себя как малые дети, когда к ним подошёл ещё кто-то.

- Вы трое... Вам не стыдно?! Немедленно прекратите есть!

Разумеется, это была Цзо Цзиньэр. От лба до самой шеи она пылала красным – очевидно, ей было невыносимо стыдно за них. Она взмахнула рукавом, и лепёшки в руках Лин Сюсю взорвались целым облаком крошек, осыпав её голову и лицо мертвенно-белым порошком. Курица Чу Цзэюя превратилась в мясное месиво и облепила его с ног до головы.

Глаза Лин Сюсю покраснели, но вступать в спор с Цзо Цзиньэр она не посмела и молча опустила голову. А вот взгляд Чу Цзэюя стал нехорошим. Цзо Цзиньэр стояла, а он сидел и смотрел на неё снизу вверх, так что под радужками особенно отчётливо проступили белки. Выглядел он поистине зловеще.

- Что?! Ты ещё недоволен?!

Сюэ И хлопнул Чу Цзэюя по плечу:

- Старшая соученица, не сердитесь. У этого паршивца глаза от природы такие: белков много, радужки маленькие. Скорее извинись перед старшей соученицей. Мы и вправду слишком расшумелись.

Лин Сюсю уже поспешно поднялась и принесла извинения:

- Старшая соученица, братья и сёстры по секте, простите нас. Мы слишком разыгрались.

Подталкиваемый Сюэ И, Чу Цзэюй тоже встал:

- Старшая соученица, братья и сёстры по секте, простите.

Выражение лица Цзо Цзинъэр не смягчилось, однако другие соученики принялись её увещевать:

– Им едва исполнилось двадцать, они всё ещё дети. Не принимай близко к сердцу.

Цзо Цзинъэр холодно фыркнула и по очереди окинула всех троих острым, словно нож, взглядом. Лишь после этого она ушла вместе со знакомыми.

Когда она удалилась, троица скорчила друг другу рожи и уселась рядом.

С виду они присмирели, но на самом деле без дела не сидели.

Чу Цзэюй написал на земле:

«Если старшая соученица так нас не выносит, зачем наставник вообще взял всех троих в ученики?»

Лин Сюсю написала:

«Может, наставник просто добрый человек?»

Сюэ И ответил:

«Уже больше двадцати лет наставник хорошо к нам относится. Младший соученик, зачем ты вообще об этом думаешь?»

Чу Цзэюй:

«Сюэ, не будь таким наивным. Мы с Сюсю иногда проказничаем и действуем людям на нервы...»

Лин Сюсю отвесила Чу Цзэюю шлепок, отчего следующий иероглиф вышел кривым.

– Пощади! Пощади, бабушка!

Только что к ним уже придралась Цзо Цзиньэр, к тому же Чу Цзэюй ещё не успел закончить свою мысль, поэтому Лин Сюсю не стала слишком долго его мучить. Ударил ещё пару раз – и успокоилась.

Чу Цзэюй продолжил писать:

«Но мне всегда кажется, что, когда она приходит и окидывает нас взглядом, больше всего её раздражает именно ты, Сюэ. Когда она только что уходила и сверлила нас глазами, на нас двоих смотрела как тупым ножом, а на тебя – как острым».

Все трое замолчали. Немного погодя Лин Сюсю первой начертала:

«Брат Сюэ, Юй порой ведёт себя несерьёзно, но сейчас он прав. Если припомнить, старшая соученица зачастую словно бы придирается ко всем нам, однако стоит тебе её уговорить – и она успокаивается. Но на самом деле хуже всего она относится именно к тебе. Она тебя не ругает, потому что ты не доставляешь неприятностей и к твоим словам не придерёшься, но всё равно будто видит в тебе какую-то помеху... Брат Сюэ, уж не потомок ли ты какого-нибудь древнего бессмертного, как в сказаниях?»

Сюэ И лишился дара речи:

«Вы разве не знаете, кто мои родители?»

Лин Сюсю написала:

«Но ты родился раньше нас, брат Сюэ. Мы ведь не видели, как ты появился на свет».

Сюэ И лишился дара речи во второй раз:

«Нет. Они мои родные родители».

Просто характер у него был хороший, да и все трое дружили с самого детства. Иначе после подобных сомнений в собственном происхождении, пусть даже из самых лестных побуждений, другой человек уже полез бы в драку.

Чу Цзэюй:

«Может, с происхождением Сюэ всё в порядке, но здесь наверняка есть что-то, о чём мы не

знаем. Сюэ, тебе всё равно лучше остерегаться нашей доброй старшей соученицы».

Лин Сюсю:

«Да. На этот раз я согласна с Юем».

Сюэ И:

«Хорошо, послушаю вас».

Закончив тайное обсуждение, они стёрли с земли все следы. Как раз в этот момент возглавлявший отряд старший соученик стадии Золотого Ядра позвал всех вставать и отправляться в путь. Чу Цзэюй находился рядом с Сюэ И и начертал пальцем у него на тыльной стороне ладони ещё одну фразу:

«Наставника тоже остерегайся».

– ...Хорошо.

Немного поколебавшись, Сюэ И всё же согласился.

Наставник относился к ним хорошо, и Сюэ И считал, что старшая соученица, скорее всего, действовала по собственной воле. Но нельзя было исключать и того, что у наставника имелись какие-то неизвестные ученикам замыслы, под влиянием которых Цзо Цзиньэр так себя вела. Раз уж такая возможность существовала, Сюэ И решил прислушаться к предостережению друзей. Лучше проявить лишнюю подозрительность, чем потом горько сожалеть, когда станет слишком поздно.

Вход в тайное царство Персикового Цветения был всего один, однако после попадания внутрь все, кого не защищали практики Золотого Ядра, оказывались разбросаны по разным местам. Теперь, когда миновало два месяца и миазмы рассеялись, люди просыпались в разных частях тайного царства и начинали двигаться в одном направлении – к огромному персиковому дереву в самом центре.

Хрясь!

Розовое насекомое размером с детский кулак пронзила бамбуковая шпажка, пригвоздив его к земле. Оно отчаянно забилось, но все попытки вырваться оказались тщетны. Его подняли с земли вместе со шпажкой.

– Тс-с-с!

Насекомое издало предсмертный визг и выплюнуло прозрачный яд. Однако жидкость словно попала на невидимую стену и быстро стекла вниз.

Шпажку держал Гу Цзыцзю. Разумеется, это была не простая бамбуковая палочка: её окутывала его ци меча, столь тонкая, что оставалась незаметной. Он протянул длинные тонкие пальцы и сжал голову насекомого. Раздался хруст, и маленькая голова оторвалась вместе с грязными внутренностями, тянувшимися из брюшка. Гу Цзыцзю небрежно отбросил её на землю, а тело, всё ещё дёргавшее шестью длинными ногами, убрал в мешок для хранения.

Это насекомое называлось персиковым жуком. Оно напоминало огромную личинку цикады со светло-розовой спиной и белым брюшком.

– Старший брат Гу! Старший брат Гу! Скорее сюда! Истинное пламя Самадхи стало ровным!

Неподалёку двое учеников секты Меча возились с костром. Ещё четверо или пятеро расселись вокруг, держа по нанизанному на шпажку насекомому, и уже жарили их над огнём.

Дрова они принесли снаружи. Это была так называемая огнесердцевинная древесина: если зажечь её истинной сущностью, она давала Истинное пламя Самадхи. Каждый притащил с собой по огромному мешку таких дров. Похоже, хотя наставники у них были разные, во многих отношениях все мечники оставались одинаковыми.

– Ешьте без меня. Я подожду, пока вернётся ваш старший брат Дуань.

Гу Цзыцзю присел рядом с ними, тоже достал дрова и развёл костёр. Несколько учеников тут же подошли со своими шпажками.

Огнесердцевинную древесину использовали для очищения артефактов и пилюль. Культивация

многих учеников была недостаточной, чтобы её зажечь, и потому им приходилось пользоваться чужим огнём.

– Младший боевой дядя, мой наставник говорил, что персиковые жуки всего лишь размером с глаз луньянь. Почему же те, которых увидели мы, такие огромные?

Заметив, что Гу Цзыцзю собирается сам нанизать насекомое, младший ученик поспешно протянул ему свою шпажку, а затем достал из мешка для хранения ещё одну, уже готовую.

Гу Цзыцзю принял её и поместил жука над огнём.

– Скорее всего, это всё же они.

Стоило поднести насекомое к пламени, как раздалось несколько трескучих хлопков. Красный панцирь на его теле раскололся, обнажив белоснежную мякоть. Вскоре оболочка постепенно приобрела коричневый цвет, растаяла, словно мёд, и капля за каплей впиталась в белое мясо.

Именно эти признаки персикового жука – вернее, приготовленного персикового жука – описал Гу Цзыцзю перед уходом Ли Биньчэн.

Гу Цзыцзю сглотнул слюну, воткнул почти готовую шпажку в землю и принялся нанизывать насекомых для себя.

– Младший соученик, даже младший боевой дядя Гу сказал, что всё правильно. Теперь-то ты успокоился? – со смехом спросили остальные мечники.

Смущённый младший соученик облизнул губы и принялся есть. Откусив кусок, он едва не расплакался:

– Вкусно!

Мясо оказалось нежным, но упругим, и истекало насыщенным соком. В нём не было приторной сладости – лишь свежий сладковатый вкус, разливавшийся по губам и языку.

- Такой большой, а всё ещё ревёшь. И не стыдно тебе?

Знакомая девушка-мечница протянула руку и ущипнула его за нос.

Младший соученик недовольно засопел, откусил ещё один огромный кусок мяса и лишь затем ответил:

- Старшая соученица, я уже несколько десятилетий не знал, что значит слово «вкус»! Если тебе не нравится, что я реву, отдай мне свою порцию – и я сразу перестану!

- Размечтался!

Пока все шутили и возились, Дуань Шаобо вернулся вместе с нанимателями. Хотя все они были заклинателями, выглядели так, словно только что вылезли из реки: одежда насквозь промокла, и с неё ручьями лилась вода.

Оказалось, сначала отряду встретился целый рой насекомых, сквозь который им пришлось прорываться с боем. Добравшись сюда, наниматели попросили остановиться и отдохнуть, а мечники решили заодно попробовать персиковых жуков. Но не успели они рассесться, как один глазастый наниматель заметил ручей. Только что все едва волочили ноги от усталости, но тут же снова воодушевились и захотели ловить персиковых рыбок.

Персиковая рыбка – длиной в один цунь, лазурного цвета, не требует приготовления, тает во рту и обладает изысканным вкусом. Так гласило описание секты Меча.

Персиковая рыбка – длиной в один цунь, лазурного цвета, может использоваться в алхимии; сама по себе лекарственными свойствами не обладает, однако усиливает действие снадобий. Так гласило описание обычных заклинателей.

Но персиковые рыбки, в отличие от персиковых жуков, не появлялись целыми стаями и встречались чрезвычайно редко. Гу Цзыцзю было лень идти, однако наниматели явно горели воодушевлением, поэтому ученики секты Меча разделились на две группы: одна осталась жарить насекомых, а другая отправилась охранять рыбаков. Судя по выражениям лиц вернувшихся, они явно сдались.

- Младший соученик, скорее попробуй!

Их неудача обрадовала Гу Цзыцзю. Он поднялся навстречу Дуань Шаобо с двумя шпажками жареных насекомых.

Дуань Шаобо взял одну и сразу же откусил кусок. На его лице мгновенно появилась счастливая улыбка:

- Вкусно!

- Разумеется. Всё благодаря моему мастерству.

Ученики секты Меча, тоже вышедшие встретить товарищей, услышали это самодовольное заявление Гу Цзыцзю и дружно застыли.

- Верно. Старший брат готовит лучше всех.

- ...

Они внезапно почувствовали себя сытыми. Даже объевшимися.

- Вы... вы просто взяли и съели персиковых жуков? - набравшись храбрости, спросил один из нанимателей с козлиной бородкой.

Младший соученик удивлённо посмотрел на него:

- А как ещё их есть?

Гу Цзыцзю тоже обернулся:

- Господин знает способ приготовления получше?

Козлиная бородка распахнул глаза и несколько раз гротескно исказил лицо, но в конце концов

лишь с сокрушённым видом покачал головой:

– Нет! Не знаю!

После очищения из персиковых жуков можно было изготовить высокоранговые камни для формаций. Они ценились не так высоко, как персиковые рыбки, но всё равно считались редким материалом.

Этому нанимателю очень хотелось обругать мечников за то, что они переводят добро, однако духу не хватило. Ну и что с того, что он внёс задаток? У этих мечников был далеко не лучший нрав. Разозлишь их – и хорошо ещё, если тебя просто бросят на полпути. А если сразу зарубят одним взмахом меча, плакаться будет уже некому.

Среди нанимателей нашлось немало людей с такими же мыслями. Но самое большее, на что они осмеливались, – молча обзывать мечников деревенщинами. Вслух возразить не решился никто.

Шестьдесят пять нанимателей переоделись в сухие магические одеяния, уселись медитировать и отдыхать. Вода в тайном царстве оказалась странной: их одеяния должны были отталкивать влагу, однако всё равно промокли насквозь. Пятнадцать мечников расселись у двух костров и ели персиковых жуков. Кто-то даже достал вино, и обстановка стала ещё приятнее.

Аромат жареных персиковых жуков разнёсся по округе. Наниматели сглотнули слюну и ощупали свои мешки для хранения. Прорываясь сквозь рой, они тоже успели поймать несколько насекомых, но никто не желал тратить их на еду.

– Старшие Дуань и Гу, вы устали, всю дорогу защищая нас. При мне нет ничего особенно ценного, только один кувшин масла куня. Прошу вас принять его в дар.

Куньпэн был великим демоном древних времён. После нашествия демонов даже обычные демонические звери стали редкостью, а столь могущественные чудовища, как кунь, давным-давно бесследно исчезли. Ныне кунем называли одного морского демонического зверя, похожего на огромного карпа с пером на макушке. Говорили, что он являлся потомком древнего куньпэна.

Масло куня было одним из немногих сокровищ мира культивации, которые не приносили практической пользы и годились исключительно в пищу.

Правильно очищенное масло куня цветом напоминало белый нефрит и было покрыто узорами, похожими на перья. Оно не пахло рыбой и не казалось жирным, а заклинатели различали в его вкусе аромат, напоминавший смертным лесной орех. Однако при всей своей восхитительности оно никак не помогало культивации, поэтому его не любили использовать даже духовные повара. Зато смертные отчаянно стремились заполучить это лакомство бессмертных.

Если бы секта Меча в своё время не отправилась напрямик в город Персикового Цветения, а приземлилась на огромном летающем корабле, встречавшем гостей на юге, мечники узнали бы тех, кто сейчас преподнёс им масло куня. Это были брат и сестра, прежде встречавшие прибывших гостей, а затем отозванные разгневанным градоначальником, – Мэн Чуньлин и Мэн Чуньсю.

Они не застали ту массовую драку между сектой Меча и сектой Огня Ли. Однако окончательный состав шестидесяти пяти нанимателей определился не в тот же день. Некоторые сгоряча заплатили деньги, но впоследствии раскаялись. Другие, напротив, тогда не успели договориться, зато явились позднее. Поэтому численность отряда неоднократно менялась.

Гу Цзыцзю не обращал внимания на эти перестановки и лишь перед самым входом в тайное царство в последний раз утвердил список. Брат и сестра Мэн присоединились к ним уже после первоначального набора.

<http://bllate.org/book/19889/1985385>